

«МОСТ ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ»: Отдел печати МИД и русская пресса в начале XX века

Если в наши дни прессу именуют «четвертая власть», то 100 лет назад в Европе ее называли «шестой великой державой». Русской печати в то время до такого статуса было далеко. Однако революция 1905–1907 гг. внесла изменения в политическую систему России: открылась Государственная дума, возникли легальные политические партии. Заметно возросла и роль прессы, которая не только отражала, но и формировала общественное мнение. Николай II жаловался матери: «Все было бы хорошо, если бы то, что говорится в Думе, оставалось в ее стенах. Дело в том, что всякое слово, сказанное там, появляется на другой день во всех газетах, которые народ с жадностью читает»¹. В этих условиях А.П. Извольский, занявший в 1906 г. пост министра иностранных дел, поставил задачу «перебросить мост через пропасть, отделяющую правительство от Думы»². Руководитель одного из самых консервативных ведомств, каким был МИД, большую часть жизни провел за границей и по убеждениям был умеренным либералом. В свое время он сыграл заметную роль в попытке создания кабинета с участием общественных деятелей. И хотя эта затея потерпела неудачу, Извольский сохранил убеждение, что лучшим средством умерить радикализм является «ответственность, связанная с властью»³.

Роль связующего звена между дипломатическим ведомством и общественным мнением должен был сыграть Отдел печати, который планировалось создать в рамках широко задуманной Извольским реформы МИД. Сама реформа, натолкнувшаяся на многочисленные бюрократические препоны, затянулась на долгие годы, вплоть до начала Первой мировой войны. Одним из немногих реализованных на практике начинаний министра стало создание Отдела печати. Он был образован на базе существовавшей уже Газетной экспедиции канцелярии МИД. Именно в ней Извольский начинал свою карьеру, и она оставалась, как вспоминал Ю.Я. Соловьев, «излюбленным детищем нового министра»⁴.

В деле налаживания контактов с представителями общественности Извольскому нужны были посредники, и он нашел их среди своих коллег-дипломатов. А.А. Гирс, за плечами которого было 20 лет дипломатической службы, входил в руководство «Союза 17 октября». Весной 1906 г. он сам обратился к Извольскому с письмом, в котором утверждал, что министерство не справится с задачами, стоящими перед русской дипломатией, если не будут произведены серьезные изменения в приемах и методах его работы⁵. Речь шла, прежде всего, об отношении МИД к общественному мнению. Гирс напоминал о том внимании, с которым в Европе следят за первыми шагами Государственной думы, и выражал надежду на то, что «страх дипломатического ведомства перед общественным мнением, воплотившемся ныне и в народном представительстве, уступит место разумному и строго согласованному совместному труду того и другого»⁶. В конце мая 1906 г., накануне совещания парламентской фракции октябристов, посвященного обсуждению внешнеполитических вопросов и деятельности МИД, Гирс представил Извольскому для предварительного просмотра текст своего доклада. «Выступление с какими-либо тезисами, несогласными с видами и ближайшими намерениями Министерства иностранных дел, коренным образом противоречило бы намеченной мною главной цели... Теперь не такое время, чтобы с легким сердцем относиться к возможности разномыслия общественного мнения и правительства», — заявлял он⁷. Извольский оценил лояльность Гирса и предложил ему взять в свои руки

* Кострикова Елена Гавриловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

организацию и заведование отделом, координирующим сношения с представителями печати и общественностью⁸.

Извольский полагал, что новому руководителю Отдела печати будет полезно ознакомиться с опытом европейских коллег. В январе 1907 г. Гирс был командирован в Париж, Берлин, Вену и Лондон, где изучал техническую сторону дела, а также завязал личные отношения с издателями и редакторами основных газет. Он выяснил, что порядок работы с прессой везде был приблизительно один и тот же. Определенное число чиновников, знакомых с иностранными языками, просматривают газеты, делают вырезки и составляют ежедневные бюллетени. Начальник Отдела печати незамедлительно доводит до сведения министра все важные известия, появляющиеся в прессе. Наиболее солидно был поставлен Венский отдел, в котором работало 25 служащих разных рангов. Гирс отметил разницу в положении руководителей отделов печати. В Париже отделом заведовал делопроизводитель, основной обязанностью которого было составление бюллетеней. Его общение с корреспондентами газет сводилось к чисто формальной передаче заявлений и заметок, составленных по указанию министра. Такое положение объяснялось тем, что все члены кабинета имели прямые контакты с одним из органов парижской печати, служившим проводником их взглядов и мнений. Совсем иное положение Гирс нашел в Берлине и Вене. Здесь начальники отделов печати являлись доверенными сотрудниками министра иностранных дел и находились в контактах не только с представителями печати, но и с общественными деятелями⁹. Гирс ознакомился также с деятельностью главных телеграфных агентств: Вольф, Рейтер, Гавас и Корреспондент-бюро. Результаты поездки были изложены им в отчете, который в феврале 1907 г. был представлен Извольским императору¹⁰.

Предварительные соображения Извольского и Гирса, дополненные последним в ходе поездки по Европе, легли в основу проекта преобразования Газетной экспедиции в Отдел печати. Цель его заключалась в том, чтобы расширить контакты с прессой и одновременно усовершенствовать наблюдение за печатью: «Работа отдела распадается на две части. С одной стороны, отдел ежедневно осведомляет министра, его товарищей и всех начальников отдельных частей обо всем, что появляется интересного в повременной печати, как русской, так и иностранной, относительно вопросов внешней политики, экономических, военных и т.д. С другой стороны, на отделе лежит обязанность давать общественному мнению объяснения относительно деятельности министерства, освещать в известных рамках направление деятельности министра, отвечая этим на запросы нашего общества, осведомлять общественное мнение России и за границей обо всех выдающихся проявлениях международной жизни»¹¹. «Извольский вместе с Гирсом задался целью сообщать Николаю II все то, что появлялось о русском правительстве и его политике в иностранных и русских газетах, будь оно приятно или неприятно, – вспоминал Ю.Я. Соловьев. – Извольский надеялся, что этим удастся привить Николаю конституционный образ мысли»¹².

Подготовка обзоров печати требовала определенного редакторского навыка и знания иностранных языков. Нагрузка на отдел возросла, а между тем его штат оставался прежним – управляющий и 2 делопроизводителя. Гирс нашел выход из положения, позволивший без дополнительных расходов увеличить число сотрудников. Он добился, чтобы все поступающие на службу в министерство в течение полугода проходили стажировку в Отделе печати. Некоторые неудобства, связанные с постоянно меняющимся составом сотрудников, по мнению Гирса, «с лихвою выкупаются тою громадною пользой, которую причисленные к экспедиции молодые люди извлекают для себя и принесут самой работе ведомства»: «Такого рода подготовительные занятия молодых людей... выработают постепенно кадры полезных министерству живых, восприимчивых, причувствовавших себя с самого начала службы ориентироваться и в событиях, и в оценке их и потому способных к ответственной, творческой работе»¹³.

Сыграв заметную роль в становлении отдела, Гирс довольно скоро, уже в конце 1907 г., оставил этот пост, сосредоточившись на руководстве Санкт-Петербургским телеграфным агентством и продолжая активно посредничать между МИД и общест-

венными деятелями. На освободившееся место по его рекомендации был назначен Ю.Я. Соловьев, еще достаточно молодой дипломат, недавно вернувшийся из-за границы. Следуя при реформировании Газетной экспедиции рекомендациям Гирса, он смог, благодаря поддержке Извольского, довести штат отдела до 12 человек за счет временно прикомандированных чинов заграничных учреждений и других отделов министерства.

В результате, обзор по каждой стране составлял чиновник, работавший в ней ранее и знакомый с ее экономической и политической жизнью. Для того чтобы точно установить направление той или иной иностранной газеты, Соловьев завел картотеку, в которую заносил сведения о наиболее важных иностранных изданиях, доставлявшиеся посольствами и миссиями. При подготовке обзоров русской печати особое внимание уделялось критике политики Извольского. Делалось это по распоряжению самого министра, который не хотел, чтобы царь узнавал о критических отзывах из другого источника. Ежедневно в 4 часа обзор печати вместе с наклеенными по заранее установленной системе газетными статьями, в которых были подчеркнуты наиболее важные места, передавался Соловьевым Извольскому и тот изучал их весьма основательно. Иногда получалось так, что нужные сведения доходили до министра раньше, чем ему успевали доложить о них начальники политических отделов¹⁴.

Соловьев активно участвовал в реформировании МИД. С мая 1908 г. по май 1909 г. он подготовил 4 записки, посвященные задачам и организации работы Отдела печати. В записке, представленной им в мае 1908 г., шла речь о системе учреждений, предназначенных для осведомления печати: газета «Россия», созданная рядом с официальным «Правительственным вестником», Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати и Санкт-Петербургское телеграфное агентство. С их помощью, как надеялся Соловьев, печать должна была превратиться из врага правительства в его союзника. В объяснительной записке к проекту преобразования Газетной экспедиции в V отдел Политической части МИД Соловьев подчеркивал, что роль печати особенно повышается в моменты международных кризисов, когда общественное мнение может оказать решающее влияние на судьбу переговоров относительно вопросов войны и мира¹⁵. Он напоминал, что во всех современных государствах при министерствах иностранных дел учреждены пресс-бюро, а Германия ввела даже при некоторых заграничных учреждениях должности пресс-атташе. Вслед за Гирсом Соловьев признавал образцом пресс-бюро при австрийском МИД, основанное еще при Меттернихе, и предлагал, по возможности, воспродублировать его организацию в России¹⁶.

Соловьеву удалось добиться значительного повышения статуса Отдела печати, хотя далеко не все его идеи были поддержаны. Так, он желал включить отдел в состав Политической части, подчинив его непосредственно товарищу министра, поскольку, помимо работы по осведомлению императора и министерства, на него «возлагаются все доверительные сношения с прессой – сношения, имеющие большое политическое значение». Однако согласно принятому только в 1914 г. закону, Отдел печати не включался в Политическую часть, а получал полную самостоятельность и подчинялся непосредственно министру. Ранг управляющего отделом был несколько понижен (советник V, а не IV класса), зато, как и в политических отделах, должности сотрудников соответствовали таковым в заграничных учреждениях.

Соловьев настаивал на том, что «успешная деятельность Отдела печати невозможна без определенной свободы действий для его руководителя, который должен был пользоваться полным доверием министра»¹⁷. Но именно этого доверия Соловьев и не смог оправдать. При общении с представителями прессы требовалась известная осторожность. Соловьев, чья дипломатическая карьера была связана со службой за границей, не был достаточно знаком с нравами журналистского мира. Не искушенный в приемах, к которым прибегали газетчики в погоне за сенсацией, он очень скоро стал «жертвой» сотрудника «Нового времени» А.А. Пиленко. Будучи знаком с ним ранее и посчитав его приход простым дружеским визитом, Соловьев побеседовал с ним слишком откровенно. Интервью лишь чудом не попало в газеты: Гирс в последний момент

сумел перехватить в редакции гранки. Соловьев был срочно вызван к министру, где ему пришлось выдержать «весьма тяжелую сцену». Извольский объяснил ему, что в изложении своих взглядов он совершенно разошелся с политикой министра и скомпрометировал ее¹⁸. Допускал Соловьев и другие подобные промахи. «Новый подвиг моего протеже!», – жаловался в 1908 г. Гирс директору канцелярии МИД А.А. Савинскому. – Мне кажется, нельзя откладывать какой-либо решительной меры, которая обезвредила бы его выступления в печати»¹⁹. В конце 1909 г. Соловьев был назначен на должность 1-го секретаря миссии в Штутгарте, а во главе отдела его сменил в 1910 г. Ю.А. Нелидов, оставшийся на этом посту до 1916 г.

Обобщив опыт работы с представителями прессы, в МИД уже при С.Д. Сазонове подготовили документ, регламентировавший порядок предоставления информации журналистам. Общение с ними должно было осуществляться теперь исключительно через Отдел печати, а «если для придания большей важности заявлению министерства или по каким-нибудь другим причинам министр, его товарищи или начальники отделов пожелают принять того или иного представителя общественности, о сущности их беседы непременно надо уведомить управляющего Отделом печати»²⁰. По тем же соображениям только через отдел должны были передаваться прессе все без исключения опровержения, заметки и статьи, составленные в разных подразделениях министерства. Впрочем, эти правила так и остались проектом. Влиятельные газеты обычно имели «своих» людей в МИД и предпочитали «парадному входу» «боковую дверь».

Оставив пост заведующего Отделом печати МИД, Гирс не отказался от намерения расширить контакты между правительством и влиятельной частью общества. Должность директора Санкт-Петербургского телеграфного агентства предоставляла для этого немалые возможности. Наряду с Отделом печати МИД, оно было важным каналом влияния на прессу, и прежде всего в области внешней политики. Лишь крупные издания могли позволить себе иметь собственных корреспондентов за рубежом, для большинства же газет телеграммы агентства были главным источником информации. С самого своего основания в 1904 г. оно действовало в тесном контакте с дипломатическим ведомством, а с 1909 г., по решению Совета министров, его международная деятельность была поставлена под контроль МИД (в частности, назначение корреспондентов за границей производилось с согласия министра)²¹.

В вопросах внешней политики правительство рассчитывало на поддержку не только правых, но и кадетов и близкой к ним по взглядам либеральной интеллигенции. К примеру, брат издателя журнала «Московский еженедельник» кн. Е.Н. Трубецкого, кн. Г.Н. Трубецкой начинал свою карьеру в МИД, а затем посвятил себя общественной деятельности. Опытный дипломат, обладавший глубокими познаниями в области истории внешней политики России, кн. Трубецкой в своих политических симпатиях колебался между кадетами и октябристами. В то время, когда Гирс возглавлял Отдел печати, у него завязалась регулярная переписка с Трубецким, продолжавшаяся и позднее. Их объединяло понимание необходимости установить взаимодействие между властью и обществом. В январе 1908 г. кн. Трубецкой писал: «Настоящий момент особенно благоприятен для вопросов общенациональных. Борьба партий и оппозиция ради оппозиции всем надоели. Я думаю, что в том вопросе, который имеется в виду, можно найти не только общий язык для правительства и общества, но и общий источник для подъема духа. А это важно не только для внешней политики, но и для того, чтобы вывести страну из серого маразма»²².

По поручению министра Гирс в феврале 1908 г. посетил Москву «в целях дополнительного осведомления представителей московских политических и общественных кругов, а также крупнейших органов печати о положении дел на Ближнем Востоке»²³. К этому времени Извольский уже принял решение о переходе к более активной политике на Балканах. Кн. Г.Н. Трубецкой взял на себя организацию встречи Гирса с влиятельными московскими промышленниками, общественными деятелями и журналистами²⁴. Сопровождение, состоявшееся 10 февраля 1908 г. на квартире гр. Хрептовича-Бутенева, было весьма представительным. В нем приняли участие известные общественные дея-

тели: московский голова Н.И. Гучков, его предшественник кн. В.М. Голицын, члены Государственного совета кн. Е.Н. Трубецкой, Ф.Д. Самарин, Д.Н. Шипов, профессора С.А. Котляревский и Л.А. Камаровский, кн. Г.Н. Трубецкой, кн. Г.Е. Львов, П.Б. Мансуров. Торгово-промышленный мир представляли Г.А. Крестовников, Д.П. Коновалов, С.И. Четвериков, П.П. Рябушинский. В совещании участвовали и представители влиятельных газет, таких как «Голос Москвы» (издатель Ф.И. Гучков и К.С. Кузминский), «Московские ведомости» (редактор-издатель А.С. Будилович), «Русские ведомости» (профессор И.Х. Озеров), «Русское слово» (редактор Ф.И. Благов), «Слово» (М.М. Федоров). В результате продолжительного и бурного обмена мнениями участники встречи пришли к выводу, что России необходимо вернуть себе свободу действий на Балканах и Ближнем Востоке, проводя политику в отношении к славянству вообще и к славянам турецким в частности «на почве самого благожелательного к ним отношения». Было признано целесообразным отказаться от Мюрцштегского соглашения: «Ссориться с Австрией не следует, но настоятельно необходимо разойтись с ней “по-хорошему”, обеспечив за собой совершенно самостоятельное попечение о балканских народностях при содействии других великих держав, если на таковое можно рассчитывать». В отношениях с европейскими державами совещание рекомендовало «уклоняться от тесного общения с Германией, воздействие которой на нашу внешнюю политику всегда было и будет лишь пагубным, и стремиться к действительному сближению с Англией». Гирс особо отметил, что господствующей нотой во время обсуждения была резкая враждебность к Германии. Обеспокоенный этим, он призвал собеседников соблюдать в печати величайшую осторожность в отношении державы, «нарушать добрососедские отношения с которой в расчет наш входить не может»²⁵. В целом, представитель МИД успешно справился со своей миссией, заручившись столь необходимой Извольскому поддержкой московских кругов²⁶.

Московское собрание 10 февраля, по-видимому, способствовало успеху выступления Извольского в Думе 27 февраля 1908 г. «Вчера был крупный день для нашего ведомства, – с воодушевлением писал Гирс 28 февраля послу в Париже А.И. Нелидову. – Александр Петрович стал первым русским министром иностранных дел ex cathedra ознакомившим народных представителей с вопросами внешней политики. Его слушала Дума с напряженным вниманием и проводила единодушными аплодисментами. Кроме того – редчайшее ныне явление! – вся печать в один голос приветствовала его вчерашнее выступление, в самых лестных выражениях обсуждая его сообщение и аргументацию. В добрый час! – скажете Вы со всеми нами. Отныне мы смело можем рассчитывать на общественное мнение в состязании с Европой по дальневосточным, балканским и иным вопросам»²⁷.

Наладившееся было сотрудничество министра иностранных дел со значительной частью общественности подверглось тяжелому испытанию осенью 1908 г. Кризис, вызванный аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, оказался серьезной проверкой нового курса российской дипломатии в отношении общественного мнения. Извольский, пользуясь моментом, попытался решить проблему Черноморских проливов путем соглашения с австрийским министром иностранных дел А. Эренталем²⁸. Отдавая себе отчет в том, какую реакцию этот шаг может вызвать в русском обществе, Извольский постарался заручиться поддержкой влиятельных органов печати, прежде всего «Нового времени» – крупнейшей газеты правого, монархического направления. «Считаю долгом обратить Ваше особенное внимание на необходимость приготовить, а в решительный момент направить нашу печать и общественное мнение, которые весьма легко могут пойти по ложному пути», – инструктировал он 3 сентября товарища министра иностранных дел Н.В. Чарыкова²⁹. Николай II, со своей стороны, поставил перед Чарыковым задачу подготовить печать «к надлежащему отношению к этому вопросу». Тот поспешил заверить монарха, что меры принимаются и, во всяком случае, сотрудники «Нового времени» Егоров и Пиленко «уже в достаточной степени в наших руках»³⁰.

Сам министр, совершавший поездку по Европе с целью добиться согласия других держав на изменение режима Черноморских проливов, прибег к услугам еще одного

журналиста из суворинской газеты, оказавшегося в это время в Германии, – Е. Шелькинга. «Я воспользовался тем, что здесь, в Эгерне, оказался под рукой Шелькинг, – сообщал Извольский Чарыкову, – которому я прочел длинную лекцию и который пошлет на днях длинное письмо в “Новое время” за подписью “Инсаров”. Предупредите об этом Гирса, дабы он мог направить немного полемику, которую должно будет возбудить это письмо. Шелькинг ничего не просит за эту услугу, но надо будет дать ему какую-нибудь подачку»³¹. В своих воспоминаниях Шелькинг довольно подробно описал беседу с министром. Журналист предложил для большей эффективности использовать Санкт-Петербургское телеграфное агентство. Составленный им текст телеграммы был отредактирован Извольским и через корреспондента агентства в Берлине А.И. Маркова, не раз выполнявшего конфиденциальные поручения, отправлен в Петербург³².

Основная роль в контактах с прессой отводилась Гирсу. «После доверительного совещания Гирса с редакторами газет “Новое время”, “Слово” и “Речь” этому предприятию положено, по-видимому, благоприятное начало», – докладывал 12 сентября Чарыков Николаю II³³. И все же события не пошли по намеченному плану. Подвело «Новое время». В то время, когда Чарыков, Гирс и Извольский уповали на сговорчивость журналистов, среди них царило совсем иное настроение. «Сущность дела хуже, чем можно догадаться...», – 12 сентября писал А.С. Суворину один из ведущих сотрудников редакции – К.С. Тычинкин. – Наше, русское, согласие получено в простых переговорах между чиновниками, а умный Франц-Иосиф выдвинул вопрос об окончательном присоединении Боснии и Герцеговины к империи... Нет на свете дипломатии, подлее нашей»³⁴. Г.С. Веселитский-Божидарович, лондонский корреспондент суворинской газеты, общавшийся в то время с Извольским и сочувствовавший ему, впоследствии вспоминал, что министр постоянно жаловался на судьбу вообще и на «Новое время» в особенности: «И мне приходилось читать ему статьи, где его терзали в клочки! Он уже тогда говорил мне: в следующий раз, когда увидимся, я уже не буду министром»³⁵. Между тем нападки со стороны «Нового времени» не прекращались. Извольский безуспешно пытался лично повлиять на Пиленко. Директор Канцелярии МИД Савинский, находившийся в то время рядом с министром, записал в своем дневнике: «Над разговором с Извольским, происходившем в Берлинском посольстве... и длившемся около часа, Пиленко тотчас же после громко и открыто смеялся, а барона Таубе, начавшего ему издали доказывать неправоту его нападок, он цинично прервал словами: “Не давайте себе труда говорить дальше; все ваши доводы пропадут бесцельно, так как у нас теперь на очереди травить Министерство иностранных дел и мы будем это делать, несмотря ни на что!”»³⁶.

В такой ситуации министру приходилось рассчитывать скорее на поддержку либеральных изданий, чем на «Новое время». И «Русское слово», и «Речь», хотя и критиковали действия Извольского, но в то же время были готовы к сотрудничеству. С «Русским словом» у МИД давно был налажен неофициальный контакт, и в период Боснийского кризиса его сотрудники не раз прибегали к услугам этой самой распространенной в России газеты для публикации нужной информации «из сфер», «из дипломатических кругов»³⁷. На позицию кадетской «Речи», благодаря личным связям Извольского с П.Н. Милюковым, повлиять было нетрудно. В начале октября 1908 г. после встречи с Чарыковым Милюков заявил, что не ждет осложнений между Думой и правительством. В прессе это заявление было воспринято как результат общения с товарищем министра иностранных дел³⁸. Оставались лояльны по отношению к министру иностранных дел и авторы популярного в среде либеральной интеллигенции «Московского еженедельника» князя Е.Н. и Г.Н. Трубецкие, С.А. Котляревский и др., избегавшие резких критических высказываний, а также октябристский «Голос Москвы». Чарыков извещал Извольского о своей беседе с А.И. Гучковым: «Я разъяснил ему доверительно вопросы, которые смущают его и его политических друзей. Он ручается, что Дума не поднимет вопросов внешней политики до обсуждения сметы министерства и ставит в Ваше распоряжение себя и свою газету»³⁹. В защиту Извольского в «Голосе Москвы» выступил и известный общественный деятель профессор Л.А. Камаров-

ский⁴⁰. Либералы явно опасались, что уход Извольского может повредить сближению России с Англией и Францией.

Осенью 1909 г. обстоятельства сговора Извольского с Эренталем стали достоянием гласности. Потрясенный новыми фактами, пролившими свет на прошлогодние события, кн. Г.Н. Трубецкой писал будущему министру иностранных дел С.Д. Сазонову: «Если им верить, то наша дипломатия защищала заведомо невозможную позицию и поддерживала в общественном мнении неверные представления, порождавшие опасное возбуждение»⁴¹. Трубецкой напоминал, что, участвуя в прошлом году в совещаниях различных думских фракций, касавшихся внешней политики, не раз защищал министра от чрезмерных нападок и указывал на крупные заслуги Извольского. «Были ли я в заблуждении или нет? – спрашивал он. – Ведь речь идет теперь о чем-то более важном, чем случайные ошибки и неизбежные промахи»⁴². Но даже в этой ситуации Трубецкой не решился выступить против министра: «В присутствии заграничного похода лично против А.П. Извольского русская печать, конечно, не может играть на руку бар. Эренталю»⁴³.

Боснийский кризис завершился унижительным для российской дипломатии поражением, которое привело к ослаблению влияния России на Балканах. Намечившееся было сотрудничество части русского общества с властью дало трещину. В конце 1908 г. Гирс признавал, что «безоговорочно уязвленное самолюбие великодержавного россиянина, открытое и затаенное негодование на власть имевших и имущих, озлобление и родственные ему инстинкты, проявляющиеся в самых уродливых формах – все это налицо и исчезнет нескоро»⁴⁴. Стремясь к тому, чтобы «Министерство иностранных дел из козла отпущения превратилось в звено, крепко связующее общественную мысль, национальные инстинкты с правительственной властью», Гирс призывал Извольского без промедления положить предел «разладу между общественным мнением и органом правительственной власти, несущим ответственность за спокойствие и международное значение России в переживаемые ею тяжелые дни»⁴⁵.

И Трубецкой, и Гирс считали, что лучший способ влиять на печать состоит в том, чтобы обеспечить ее своевременное информирование. Но, видимо, в министерстве преобладала другая точка зрения. «Снова мы, как в лесу, – сетовал в конце 1909 г. Трубецкой в письме Сазонову, – ничего не знаем, что ожидает нас завтра, чего у нас хотя и почему, а главное, приходится по газетным источникам составлять себе представление о том, что делается... Между тем это неведение порождает преувеличенные, быть может, тревожные слухи и не способствует укреплению доверия к распорядителям наших судеб»⁴⁶. В меру своих сил Трубецкой пытался изменить положение. В ноябре 1909 г. он сообщал Гирсу: «У нас организовались здесь регулярные беседы по вопросам внешней политики представителей печати – участвуют редакторы иностранных отделов и лица, пишущие по иностранной политике. Сюда входят представители “Голоса Москвы”, “Русских ведомостей”, “Русской мысли”, “Утра России”, “Русского слова” и, разумеется, “Московского еженедельника” – как видите все московские издания приличного типа. Беседы совершенно делового и интимного характера, в которых мы обмениваемся взглядами и стараемся приходить к общим выводам. В этих беседах выясняется, как плохо поставлено пока дело осведомления печати»⁴⁷. В дальнейшем Трубецкой намеревался расширить круг участников бесед за счет общественных деятелей и предпринимателей.

В начале 1910 г. кн. Трубецкой отклонил предложение возглавить Отдел печати МИД. «Я пришел бы к Вам со стороны, – делился он своими сомнениями с Сазоновым, – из общественной и журнальной среды, к которой теперь принадлежу, и мне пришлось бы иметь дело с той же средой, с теми же нынешними моими собратьями, доверием коих я пользуюсь, в качестве агента министерства. Для того чтобы на это решиться и не обмануть доверия ни призывающих меня, ни тех, к кому мне придется обращаться – требуется самое полное единомыслие во взглядах с руководителем внешней политики и доверие в прочность и последовательность принятого направления». Сказался и «боснийский синдром». «У меня нет полной уверенности, – писал князь, – в

том, что министр является полным и независимым от посторонних влияний распорядителем в своем деле. Быть может, в иных случаях и нельзя обойтись без компромиссов, но мои связи с общественной средой налагают на меня обязанности мнительной щепетильности в этом вопросе»⁴⁸. И все же на службу в МИД кн. Трубецкой вернулся, возглавив в 1912 г., уже при Сазонове, Ближневосточный отдел.

Проследить взаимоотношения органов печати и правительственных сфер достаточно сложно. Лишь немногие встречи конфиденциального характера оставили след в мемуарах или архивных документах. Если в МИД существовал Отдел печати, то и в любой солидной газете имелся отдел, обеспечивавший связи с правительственными учреждениями. «Русское слово» имело для этой цели отделение в Петербурге, которым руководил А.В. Руманов. Его переписка с московской редакцией позволяет в какой-то степени раскрыть «газетную кухню». При Руманове состоял штат репортеров. Это были люди определенного склада. Интересна характеристика, данная Румановым одному из них – Стембо: «Выбрал я его для кулуаров как ловкого “бегуна”, ищейку, человека, который никогда ничего не пропустит, без масла куда надо проникнет, легко сойдется за панибрата и с Хомяковым, и с Гучковым, и с Пуришкевичем»⁴⁹. Сам Руманов был вхож к министру иностранных дел: «Был сегодня (в воскресенье) в Министерстве иностранных дел и имел “на легу” беседу с А.П. Извольским. Для настоящей беседы примет меня в субботу 19 января. Посылаю сегодня список лиц, кому надо высылать газету бесплатно, среди них Извольский и две его “правых руки” Коростовец и Гулькевич. Последние и устраивают мне интервью»⁵⁰. «Русское слово» было не из тех газет, которые довольствовались сведениями, распространяемыми Отделом печати МИД. Руманов писал Ф.И. Благову: «Сведениями Гирса я не удовлетворен, так как они слишком односторонни и официальные. Чиновник, рекомендованный им (Горвиц), дает мне теперь тайно от Гирса всю полноту сведений в истинном свете»⁵¹. Сотрудник МИД В.М. Горвиц, о котором шла речь, был заместителем заведующего иностранным отделом газеты «Россия». Посылая в одном из своих писем «статейку Горвица», Руманов просил Благова: «Если можно, хоть что-нибудь поместите. Больно полезен человек»⁵².

К числу журналистов, которым было поручено осуществлять связь «Русского слова» с МИД, принадлежал и В.Ф. Богацкий. До этого он успел поработать в иностранных отделах «Нового времени» и «Земщины»⁵³. Богацкому удавалось получить интервью у министра С.Д. Сазонова, его товарища А.А. Нератова, директоров департаментов министерства Г.А. Козакова и кн. Г.Н. Трубецкого⁵⁴. Понятно, что чиновники МИД столь высокого ранга, общаясь с журналистами, преследовали собственные цели. В редакции «Русского слова» информация, переданная Богацким, не всегда одобрялась. Осенью 1913 г. иностранный отдел обратил внимание Руманова на то, что часть сведений, доставляемых петербургским корреспондентом, инспирирована МИД: «В Министерстве иностранных дел, конечно, могут говорить, что им хочется сказать, но наш корреспондент, нам думается, должен более критически относиться к полученным им сообщениям и не передавать все без разбора в Москву. Если бы он внимательно следил за тем, в каком виде появляются обычно его сообщения в “Русском слове”, то он мог бы заметить, какую массу труда мы тратим на то, чтобы не обратить “Русское слово” в орудие Министерства иностранных дел»⁵⁵. Сам Руманов придерживался иного мнения: «Почему бы нам в вопросах иностранной политики и не быть в контакте с Министерством иностранных дел, какую такую собственную политику может вести “Русское слово” в вопросах внешних?»⁵⁶. Но в московской редакции были категорически против такого подхода к делу: «Для независимой оппозиционной газеты официозность без кавычек не только грех, но прямо преступление. Быть официозом это значит быть “Россией”. Мы, конечно, можем и должны получать сведения из Министерства иностранных дел, но это только “контакт”... По тому или иному пункту наши воззрения могут совпадать со взглядами Министерства иностранных дел, но это будет совпадение, а не официозность»⁵⁷. Этой линии «Русское слово» придерживалось довольно последовательно.

Среди газет различных направлений особое место занимало «Новое время». Авторитет этого издания был высок, за границей газета воспринималась как официоз, и хотя МИД неоднократно опровергал такую точку зрения, связи редакции в высших эшелонах власти были хорошо известны. С мнением ее издателя А.С. Суворина считались, его суждений опасались чиновники самого высокого ранга. Одним из ведущих сотрудников «Нового времени» был брат председателя Совета министров – А.А. Столыпин, да и другие сотрудники могли похвастаться знакомствами в правительственных кругах. Трудно однозначно определить позицию газеты по отношению к правительству, она менялась в зависимости от ситуации и от расстановки сил в стране. Во всяком случае «Новое время» никогда не было легким партнером для МИД. В конце жизни Суворин отошел от редакционных дел, порекомендовав газету своему сыну. Однако он продолжал внимательно следить за ее публикациями. Летом 1909 г., после развязки Боснийского кризиса, М.А. Суворин писал отцу о визите к П.А. Столыпину: «Начал Столыпин с того, что он уже говорил тебе при моем свидании с тобой, что “Новое время” – самая опасная газета. Что половина России живет мнением газеты и своего не имеет»⁵⁸. «Мне всюду говорят, – укорял он собеседника, – что сделалось с “Новым временем”, оно перешло в левый лагерь, оно прямо враждебно правительству». В ответ Суворин-младший заверил: «В левый лагерь переходить не собираемся и стараемся левый лагерь перетянуть на свою сторону»⁵⁹. В конце встречи Столыпин высказал пожелание, чтобы «Новое время» подбодрило общество и поддержало бы начинания власти.

Нередко не корреспондент «Нового времени» искал интервью у сановника, а последний был заинтересован в публикации. Так, в марте 1911 г., во время конфликта с Государственным советом, Столыпин после объявления о роспуске обеих палат пригласил к себе ночью М.А. Суворина. «Новое время» приняло тогда сторону правительства. По словам Тычинкина, «статьи были сплошной защитой Столыпина»⁶⁰. Неудивительно, что спустя несколько месяцев, тот же Тычинкин, рассуждая о конкуренции со стороны «Русского слова», отметил: «Сильно мешает нашим возможным соперникам благополучие Столыпина, нигде не скрывающего свои крайние симпатии к газете»⁶¹.

Взаимоотношения с МИД – важный фактор, влиявший на осведомленность газет в международных вопросах. В недрах министерства боролись две тенденции. Одну из них представляли противники общения с журналистами, которых было немало как в Петербурге, так и в заграничных учреждениях. Их позицию ярко выразил в письме к Сазонову П.Н. Крупенский: «Наша невоспитанная, грубая и вредная печать не облегчает Вам Ваш тернистый путь. Но нельзя ли как-нибудь, для общего блага, положить конец этим безобразиям и наложить намордник столь вредным газетам»⁶². Другую позицию отстаивали Гирс и люди, умевшие использовать контакты с органами печати в интересах своего ведомства. Извольский и Сазонов склонялись к мысли о необходимости сотрудничества, в разумных пределах, с частью прессы. Подкуп отдельных авторов или субсидирование целых изданий по-прежнему применялись, но признавались уже малоэффективными. Характерно, что к большинству изданий в эти годы не применялись карательные меры в связи с публикациями на внешнеполитические темы, хотя МИД критиковался иногда очень жестко. Гораздо чаще представителей печати старались привлечь доверительной информацией и вниманием.

Примечания

¹ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). М.; Л., 1932. С. 180.

² Извольский А.П. Воспоминания. Пг., 1924. С. 114–115.

³ Там же. С. 122.

⁴ Соловьев Ю.Я. Воспоминания. 1893–1922. М, 1959. С. 173.

⁵ ГА РФ, ф. 892, оп. 1, д. 27, л. 1.

⁶ Там же, л. 5.

- ⁷ Там же, л. 3.
- ⁸ Там же, д. 3, л. 183.
- ⁹ АВП РИ, ф. 340, оп. 597, д. 12, л. 9–13.
- ¹⁰ Там же, ф. Канцелярия, 1907, д. 42, л. 55.
- ¹¹ Там же, ф. Отдел печати и осведомления, д. 804, л. 75.
- ¹² Соловьев Ю.Я. Указ. соч. С. 175.
- ¹³ АВП РИ, ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел, оп. 731, д. 180, л. 72–73.
- ¹⁴ Соловьев Ю.Я. Указ. соч. С. 215.
- ¹⁵ АВП РИ, ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел, оп. 731, д. 110, л. 1–3.
- ¹⁶ Там же, л. 3.
- ¹⁷ Там же, л. 8.
- ¹⁸ Там же, ф. Канцелярия, 1909, д. 43, л. 397.
- ¹⁹ Там же, 1908, д. 113, л. 5.
- ²⁰ Там же, ф. Отдел печати и осведомления, д. 799, л. 11.
- ²¹ Там же, д. 861, л. 46.
- ²² Там же, ф. 340, оп. 597, д. 12, л. 2.
- ²³ Там же, л. 3.
- ²⁴ Там же, л. 6. Первая подобная встреча, состоявшаяся в 1907 г., во время трудных переговоров России с Японией, окончилась неудачей. Противоречия между московскими политиками оказались тогда настолько непримиримыми, что не удалось даже собрать их вместе. Пришлось устроить два собеседования для разных групп москвичей.
- ²⁵ Там же, ф. 340, оп. 597, д. 12, л. 3–5.
- ²⁶ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 990. По возвращении из Москвы Гирс наметил встречу и с журналистами Петербурга. Некоторые из них получили, с пометкой «секретно», приглашение прийти 12 марта на квартиру Гирса на частное собеседование «по одному совершенно доверительному и неотложному вопросу, могущему интересовать отечественную печать в данную минуту». В числе приглашенных были Пиленко и Егоров («Новое время»), Сватковский («Русское слово»), Ганфман («Речь»), Федоров («Слово»), Проппер («Биржевые ведомости»), Грибовский («Голос Москвы») и Н.В. Прилежаев. К сожалению, неизвестно, состоялась ли эта встреча.
- ²⁷ АВП РИ, ф. 340, оп. 624, д. 23, л. 12.
- ²⁸ См. подробнее: Кострикова Е.Г. Боснийский кризис 1908 года и общественное мнение России // Российская история. 2009. № 2. С. 42–54.
- ²⁹ Исторический архив. 1962. № 5. С. 124.
- ³⁰ Там же. С. 126.
- ³¹ Там же. С. 129.
- ³² Schelking E. The Game of Diplomacy. N.Y., 1918. P. 140–142.
- ³³ Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 171. АВП РИ, ф. Канцелярия, 1908, д. 204, л. 65.
- ³⁴ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 4317, л. 165.
- ³⁵ Там же, д. 678, л. 250.
- ³⁶ АВП РИ, ф. А.А. Савинского, д. 27, л. 82. Характерно, что, рассказывая А.С. Суворину о недовольстве Е. Шелькиным в МИД, откуда в редакцию дважды приезжали чиновники, уверявшие, будто он – германский агент, Тычинкин иронизировал: «По статьям этого не видно, а по действиям скорее Извольского можно принять за немецкого агента». См.: РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 4317, л. 167.
- ³⁷ Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007. С. 30, 32.
- ³⁸ Русское слово. 1908. 8, 9, 10 октября; Биржевые ведомости. 1908. 10 октября.
- ³⁹ АВП РИ, ф. Канцелярия, 1908, д. 15, л. 109.
- ⁴⁰ Голос Москвы. 1908. 2 октября.
- ⁴¹ АВП РИ, ф. 340, оп. 812, д. 127, л. 1.
- ⁴² Там же, л. 2.
- ⁴³ Там же, л. 5.
- ⁴⁴ АВП РИ, ф. А.А. Гирса, д. 9, л. 7.
- ⁴⁵ Там же, л. 8.
- ⁴⁶ ГА РФ, ф. 892, оп. 1, д. 245, л. 34.
- ⁴⁷ Там же, л. 11.
- ⁴⁸ Там же, л. 12.
- ⁴⁹ ОР РГБ, ф. 259, оп. 1, п. 20, д. 78, л. 16.

⁵⁰ Там же, д. 77, л. 1.

⁵¹ Там же, д. 79, л. 3.

⁵² Там же, д. 84, л. 1.

⁵³ РГИА, ф. 776, оп. 33, д. 116, л. 56–57.

⁵⁴ РГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, д. 80, л. 25.

⁵⁵ Там же, д. 728, л. 94–95.

⁵⁶ Там же, д. 106, л. 11.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, ф. 459, оп. 1, д. 4170, л. 132. Один из старейших сотрудников газеты, многолетний ее лондонский корреспондент Веселитский-Божидарович передавал А.С. Суворину схожий отзыв Извольского. «Оно не отражает общественное мнение, оно просто делает его!», – говорил тот о «Новом времени» после Боснийского кризиса. См.: Там же, д. 678, л. 250.

⁵⁹ Там же, д. 4170, л. 134.

⁶⁰ Там же, д. 4317, л. 180.

⁶¹ Там же, л. 208. В декабре 1911 г. «Новое время» уже прокладывало тропу к новому главе Совета министров. «В пятницу собираюсь к Коковцову... – писал отцу М.А. Суворин. – Хочу с Коковцовым поговорить о нашем политическом положении и выяснить себе желания, надежды и упования правительства». Через несколько дней он делился своими впечатлениями: «Ну, дорогой папа, был сегодня у Коковцова. Первое впечатление – человек приятный во всех отношениях, да и последнее впечатление такое же, очень-очень осторожный человек. Государственный ли у него ум – вряд ли... Я задал вопросы, он охотно отвечал. Говорили целый час... Впечатление неважное. В Столыпине чувствовалась сила... у Коковцова взор чрезвычайно добросовестного чиновника, работяги, но и только. Столыпин любил борьбу – этот борьбы не любит» (Там же, д. 4170, л. 241, 243, 247–249).

⁶² АВП РИ, ф. 340, оп. 597, д. 7, л. 4.